

Злотникова Т. А., Летина Н. Н., Гапонова Ж. К.

Молодёжь В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Статья подготовлена по гранту Российского научного фонда № 14-18-01833

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии, директор научно-образовательного центра «Культуроцентричность научно-образовательной деятельности» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Россия, Ярославль, 150000, ул. Республиканская, 108.

E-mail: zlotnts@rambler.ru

Тел.: +7(910) 665 31 93

Летина Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии, ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Россия, Ярославль, 150000, ул. Республиканская, 108.

E-mail: liotina@yandex.ru

Тел.: +7(915) 970 21 68

Гапонова Жанна Константиновна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры книжного дела, ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Россия, Ярославль, 150000, ул. Республиканская, 108.

E-mail: jangap@yandex.ru

Тел.: +7(910) 974 99 11

Аннотация. В статье представлены авторские подходы к методологическому обоснованию социокультурных исследований, проводимых в российской провинции, и важнейшие результаты контент-анализа, а также количественного анализа серии осуществлённых проектов. Последние были посвящены изучению интеллектуальных и ментальных аспектов самосознания молодого жителя современной российской провинции (особенно – его приоритетов и перспектив). В статье представлены теоретико-методологические основания опросов, демонстрирующие инновационные достижения в разработке культурологически детерминированного исследовательского инструментария, которые позволяют без применения специальных информационных технологий изучить общие и конкретные проблемы бытия современного молодого жителя репрезентативных локусов российских регионов.

В статье приведены репрезентативные инновационные результаты опросов, которые являются интеллектуальным продуктом, характеризующим личностные и коллективные интенции молодёжи в современной России, рассматриваемой в специфической и универсаль-

ной модальностях. На их основании выявлен ряд тенденций, характеризующих опрошенных молодых людей в коммуникативном, социокультурном, социально-психологическом, духовно-нравственном планах.

Ключевые слова: Россия, провинция, молодёжь, приоритеты, перспективы, самосознание, социокультурный опрос.

Проекты российских регионологических социокультурных исследований, материалы которых положены в основу данной статьи, обладают особым качеством, органичным для коллектива учёных ЯГПУ, – инновационной интегративностью, предполагающей не только фундированность научного подхода, но и тщательный, подробный и широкий дискурс «полевого» погружения в социальную реальность, взятую в разнообразных её проявлениях, включая коллективный опыт повседневности и индивидуальный опыт жизнеустройства молодёжи современных российских регионов [Густякова, Шахова, 2013: 225–229]. Исследования осуществлялись как в рамках проблематики проектов ведущей научной школы по культурологии при ЯГПУ под руководством профессора Т. С. Злотниковой, так и в ходе работ по проектам «Методология изучения социокультурной парадигмы личности в России XX–XXI вв.» по программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., Федеральное агентство по науке и инновациям; государственный контракт от 20.07.09 г. № 02.740.11.0364, «Личность в современной российской провинции: приоритеты и перспективы» по гранту РГНФ № 14-03-18002 на 2014 г. и ряда других. В работе на разных этапах принимало участие более 40 человек – 7 докторов наук, 16 кандидатов наук (в том числе 10 в возрасте до 35 лет), аспиранты и студенты.

Современное состояние социологических исследований (именно так, а не социокультурных, каким является настоящее исследование) имеет несколько векторов. Одним из векторов, несомненно, следует определить фундаментальные и объёмные монографии, охватывающие широкий спектр проблем исторического, социально-нравственного (включая проблему девиации), национального, демографического, профессионального плана; однако подобного рода работы появляются редко и их совсем немного [Горшков, Шереги, 2010]. Другим вектором, естественно, являются учебные издания, заполняющие нишу, которую принято называть «социология молодёжи», традиционно вписывающие молодёжь в социально-исторические и/или социально-политические реалии ([Социология молодёжи, 2005; Волков и др., 2001; Тощенко, 2004: 74–95], ряд петербургских изда-

ний, сориентированных на студентов разных специальностей). Очевидно, что в учебных изданиях представлены общие подходы к социологии молодёжи и не показаны результаты эмпирических исследований. Наконец, третьим вектором являются статьи авторов разного статуса — от ведущих социологов до молодых преподавателей и аспирантов, — причём рассматриваются либо отдельные социально-демографические группы, либо отдельные аспекты бытия молодёжи [Силласте, 2004], либо общие проблемы молодёжи как субъекта социальных практик [Смирнов, 2014]. При этом авторы из регионов или работы, касающиеся региональных практик, встречаются достаточно редко. И, как ни странно, нечасто встречаются так называемые полевые исследования, основанные на соцопросах [Ядова, 2012; Дадаева, Фудин, 2013]. Главное же обстоятельство, характеризующее изучение проблемы, заключается в том, что молодёжная выборка как основа выявления социокультурных аспектов жизни современной российской провинции отсутствует в сфере системно проявляемого интереса современных исследователей.

Исследование молодёжи в современных регионах России основано на стремлении к достижению верифицируемых, конкретных и индивидуально детерминированных данных с методологической фундированностью, что является существенным отличием нашего проекта от большинства полевых исследований. Так, наряду с методологически фундированными методами (культурфилософским, аксиологическим, историко-типологическим), задействованными при постановке проблемы полевого исследования, использованы методы, имеющие *прикладной* характер [Злотникова, 2010: 422–433]. К весьма результативным методам полевого исследования относятся как содержательно-значимые и личностно-детерминированные — включённое наблюдение, интервьюирование, — так и количественный метод социокультурного опроса. Особенности применения трёх названных методов связаны со следующими *подходами* к изучению личности молодого жителя современной региональной России: коллективная культуросообразная коммуникация, учитывающая закономерности функционирования массового сознания (включённое наблюдение, социокультурный опрос), межличностная культуросообразная коммуникация, опирающаяся на рефлекссию индивидуального сознания (интервьюирование). В числе подходов, учитываемых в процессе реализации всех исследовательских методов, следует назвать также гендерный, социально-демографический, социально-психологический и социокультурный.

Поставленные в проектах задачи решались в значительном географическом ареале: Ярославская область (города Ярославль и Углич), а также Урал (Екатеринбург, Челябинск), города ПФО (Ульяновск) и ЮФО (Воронеж). Количество *молодых респондентов*, изучавшихся в специальных опросах или участвовавших в опросах наряду с представителями других возрастных групп, — свыше 900 человек (студенты, молодые специалисты и даже, что бывает весьма редко, учащиеся старшей и средней школы от 14 лет — возраст получения па-

спорта гражданина РФ). В частности, в 2009 г. был проведён социокультурный опрос (студенческая выборка, метод анкетирования) 560 респондентов – молодых жителей регионов России; в 2010 г. было протестировано 200 студентов ЯГПУ (первый и выпускной, на тот момент пятый, курсы) и проинтервьюировано 11 молодых ярославских специалистов (восемью молодыми исследователями); в 2014 г. опрошено 200 жителей российских регионов (в том числе свыше 130 молодых людей).

Итак, в июле-ноябре 2009 г. коллективом исследователей ЯГПУ были проведены социокультурный опрос (студенческая выборка, метод анкетирования) с **обоснованием личностного модуса культуроцентричной образовательной деятельности**; социокультурный опрос (случайная выборка, метод виртуальной коммуникации) с выявлением культурологически детерминированных противоречий образовательной деятельности [Злотникова, Летина, 2010: 178–182; Личность в современной..., 2010; Личность в современной..., 2009]. Для участников работ по проекту важным был факт направленности вопросов анкеты на выявление социокультурного потенциала личности, на имплицитное формирование у неё интереса к недостаточно познанным сферам культуры, социальной сферы, а также на формирование элементарных умений осуществлять выбор, соотнося предложенные позиции с собственными представлениями. Задачами анкетирования являлись: в реальном режиме – обоснование личностного модуса образовательной деятельности; в виртуальном режиме – выявление культурологически детерминированных противоречий образовательной деятельности. В качестве генеральной совокупности была определена система высшего профессионального образования (специальности, связанные с социокультурной сферой деятельности). Анкетирование в реальном режиме включало выборку из 460 респондентов (360 студентов ЯГПУ, в том числе – филиалов в Ростове, Угличе, Рыбинске, 20 студентов ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет» в г. Люберцы; 20 студентов ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный театральный институт», по 10 студентов ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет» и ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный технический университет», 40 студентов ФГБОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств». Анкетирование в виртуальном режиме включало выборку из 100 респондентов.

Результаты социокультурного анкетирования в его реальном и интернет-форматах позволили выявить *интеллектуальные, нравственно-психологические проблемы самореализации и, соответственно, трансформации личности молодого человека в современной России.*

Современные студенты, говоря языком психологов и театральных педагогов, в своей массе «не видят» окружающий их мир в его многообразии и сложности; «не слышат» друг друга, своих партнёров по образовательному процессу; «не воспринимают» импульсы, исходящие от отдельных людей, групп, от социума, довольствуясь простейшими бихевиористскими схемами; «не понимают» специфику как образовательной деятельности, участниками которой являются, так и жизненных реалий, участвовать в которых и влиять на которые им предлагается. В ходе анализа результатов опроса выявлена **недостаточная определённости личностного модуса образовательной деятельности**. Высокий процент (более 70%) молодых людей, выбирающих высшее учебное заведение и/или специальность в силу (1) случайных причин, (2) сиюминутных влияний, (3) вообще не осознававшихся мотиваций, следует признать тревожным симптомом инфантильности, безответственности, подверженности воздействию со стороны массового сознания. Профессиональный рост, карьера, личностная динамика в процессе обучения и последующей профессиональной деятельности, входя в круг интересов студентов, не имеют достаточной личностно-мотивированной основы. В связи с этим молодые люди демонстрируют малую осведомлённость об успешности (или неуспешности) своих коллег. В частности, о фактах общественного признания, материальных условиях работы и перспективах карьерного продвижения в своей профессии в настоящее время в России 61% респондентов факультета социального управления ЯГПУ не известно ничего, о ситуации за рубежом ничего не знают 83% опрошенных. Кроме того, представляется характерным и тревожным тот факт, что молодёжь не соотносит ни себя (52%, не определились – 2%), ни своих преподавателей (33%, не знают – 3%) с людьми, отличающимися высоким интеллектуальным и профессиональным уровнем и характеризующимися в социокультурном плане как элита.

При этом отличительной особенностью личности в современной России, как позволили выяснить методологически обоснованные характеристики жителя провинции, является безразличие к географическим ориентирам. Социокультурная парадигма личности (имеем в виду не только факт обучения молодых людей в вузах и их филиалах, находящихся в Ярославле, Ростове, Рыбинске, Угличе, Московской области, Вологде, Челябинске, но и факт предшествующего проживания в достаточно отдалённых от места обучения регионах, городах, в сельской местности) характеризует эту личность как «провинциала» [Модель культуры..., 2013].

Последняя особенность личности студента особенно важна в связи с продемонстрированным уровнем социокультурных ориентаций. Показательным примером можно считать то обстоятельство, что среди 100 опрошенных студентов факультета социального управления ЯГПУ не знают (или не сочли нужным указать) губернатора своего региона – 43%, мэра города (который в то время управлял около 20 лет) – 37%; положительно оценили деятельность губернатора 30%, отрицательно 14%; к мэру отнеслись с симпатией 35 студентов из 100, с неприязнью – 15; 49% опрошенных не высказали своего отношения к публичным политикам

общероссийского ранга, из оставшихся 51% отметили знаком «+» Путина – 22 человека, Жириновского – 8, Медведева – 5, Шойгу – 2, по одному «плюсу» у Лаврова, Зюганова и Грефа. Не смогли назвать учёных современности или недавнего прошлого 72% респондентов. Более 80% респондентов факультета социального управления ЯГПУ не дали ответа на вопрос о роли «четвёртой власти» в современной России, 3% отметили, что не понимают, о чём идёт речь. Знание выдающихся персон (наука, культура), как и политическая осведомлённость и сориентированность (знание и способность выразить отношение к кругу региональных и муниципальных VIP, отношение к публичным политикам, а также низкий уровень понимания роли и качества «четвёртой власти» в жизни современной России) – этот круг характеристик обозначает невысокий уровень личностного модуса образовательной деятельности.

Показателем *характеристики духовно-нравственного модуса современной региональной российской молодёжи* является позиционируемая её представителями иерархия ценностей.

Респондентам было предложено обозначить приоритеты среди 7 ценностей: *здоровье, красота, достаток, образование, благополучие, самореализация, карьера* – или назвать свои ценности. В перечень ценностей они добавили свои варианты (семья, здоровье родителей, окружающая среда, «отношения»). Очевидно, что дополнение «семья» носит обнадеживающий в социокультурном смысле характер; в то же время понятие «отношения», хотя и однократно упомянутое, позволяет предположить восприятие респондентом масскультовской тенденции, согласно которой «отношения» стали синонимом понятий «любовь» или иных, физиологически детерминированных.

Из предложенных вариантов ответа наименее «популярным» оказался вариант «Красота». Связано это, очевидно, с тем, что современные студенты (возраст опрошенных 17–26 лет) считают себя молодыми и красивыми, не придавая этому по молодости и неопытности специального значения, либо, напротив, считая, что при хорошем образовании и удачной карьере красота не так уж важна.

На первых позициях оказались такие ценности, как *достаток, здоровье и образование*. Это можно считать показательным результатом. Студенты видят взаимосвязь между достатком, здоровьем и образованием: без хорошего образования невозможно много зарабатывать, а без здоровья и образование зачастую может не помочь. При этом *карьера* занимает предпоследнее место. Из этого следует, что студенты ценят экономический результат образовательного процесса, но не отдают себе отчёта в том, что экономическое благополучие не может быть оторвано от карьерных успехов. Это свидетельствует о высокой степени инфантильности, и, возможно, об иждивенческих интенциях молодёжи.

Итоги ответов на коррелятивный вопрос социокультурного исследования 2014 г. отличаются. Респонденты отдали предпочтение традиционным ценностям: *здоровью* (51% ответов) и *семейному благополучию* (33% ответов), а также *образованию* (27% ответов). Показательно, что близкие, но не входящие в тройку лидеров позиции заняли *материальный достаток* (23% ответов) — и это, как считают многие исследователи и наблюдатели, в эпоху отчётливой прагматизации личностных интенций, и *творческая самореализация* (21%), которая, казалось бы, является традиционно значимой для провинциалов-интеллектуалов. Данное распределение аксиологически детерминированных приоритетов позволяет сделать вывод о том, что участники опроса 2014 г. отдают приоритет фундаментальным, основополагающим ценностям, привычно воспринимаемым в качестве значимых, уделяют меньше внимания преходящим и возобновляемым, как им представляется, аспектам.

Следует отметить, что 8% опрошенных приводят свои варианты ценностей. В их числе — как сформулированные инфантильно («имение домашнего питомца»), так и вполне чётко и грамотно, однако без осознания близости предложенным понятиям: *власть* и *работа* (по смыслу коррелируют с карьерой), *самообразование* (понятие, близкое предложенному варианту «творческая самореализация»), а также общепринятые, но показательные варианты — *друзья*, *совершенствование мира*, *безопасность жизнедеятельности*, *человечность*, *моральное удовлетворение от работы и жизни в целом*, *свобода*, *любовь*, *личностный рост*, *спокойствие*, *внутренняя гармония*. Данные варианты, в основном, не отличаются по смыслу от предложенных в анкете, лишь конкретизируя некоторые из них. Таким образом, наблюдается определённая оппозиция респондентов в отношении монологического дискурса предлагаемых вариантов, стремление к свободной самопрезентации и равноправному диалогу. При этом реализация свободы парадоксально осуществляется в границах заданных смысловых векторов. Данные обстоятельства характеризуют тип сознания респондентов как *амбициозный и несколько инфантильный в своей оппозиционной и чрезмерной гиперреактивности*, что можно связать и с социопсихологическими особенностями молодёжи, и с проявлением провинциальности жителя региона.

При ответе на коррелятивный вопрос об *источниках влияния на формирование личности современного российского молодого человека* большая часть респондентов 2014 г. на первое место ожидаемо поставила массовую культуру (40%, что почти вдвое или более чем вдвое превышает количественные показатели по всем остальным позициям). На втором месте оказалось образование (24,5%), но следует отметить, что с учётом анкет, в которых не были проставлены номера позиций, а только отмечены один или несколько вариантов, образование в целом упомянуто наибольшее количество раз (95,5%). В конце списка оказалось классическое искусство (на первое место его поставило лишь 5% опрошенных), что, к сожалению, неудивительно, учитывая растущее влияние массовой культуры; также далеки от массовой востребованности оказались этнические стереотипы и, что

особенно странно в условиях активного религиозного воздействия на различные сферы жизни и разные социально-демографические группы, религия (её на 1 место поставили лишь 5,5% респондентов, в большинстве анкет она относительно массированно располагается на 3 и 4 местах).

В ряде анкет, как и предлагалось, список был дополнен собственными вариантами респондентов (6% от выборки), среди которых преобладают такие источники влияния, как семейное воспитание и СМИ.

Значимым *показателем социокультурной самоидентификации* является самоощущение *молодого человека в условиях глобализации и глокализации*. В ходе опроса был поставлен вопрос о том, видят ли молодые люди возможность сохранения национальной культуры в условиях *глобализации*. Количественные результаты ответов на данный вопрос теста представляются характерными, но неутешительными: ответы дали всего около 60% респондентов. От студентов требовалось не столько сделать конкретные предложения по сохранению национальной культуры, сколько выразить позицию не сиюминутного характера. Полученные ответы продемонстрировали яркое проявление инфантильного иждивенчества студентов, полагающих, что ответственность за жизнеустроительные действия лежит на государстве или абстрактно обозначенных группах, общественных организациях, проводящих «мероприятия, посвящённые истории и культуре государства и развитию патриотизма», либо – что, вероятно, оказывается на виду у молодёжи и ложно приравнивается к общим процессам сохранения национальной культуры – защищающих памятники архитектуры. При этом методом включённого наблюдения было установлено, что студенты, проходящие по грязным улицам мимо полуразрушенных или неухоженных памятников архитектуры, не проявляют личной ответственности на уровне конкретных, обыденных действий. Наряду с абстрактными представлениями-отписками («пока есть нация – будет национальная культура») обращает на себя внимание «корявая» по способу выражения, но содержательно значимая реплика: «культура живёт внутри человека». Однако по сути вопроса – не просто о сохранении национальной культуры, а об её сохранении именно в условиях глобализации – дан только 1 положительный ответ («в резервациях») и 1, хотя и крайне неудачно сформулированный, отрицательный ответ («международная культура вытесняет национальные»). Существенными дефектами ответов, отражающих отсутствие сформированных позиций, которые бы способствовали актуализации культуросообразного аспекта самореализации студентов, следует считать то, что, во-первых, ни в одном ответе нет конкретных примеров сохранения или разру-

шения национальной культуры, и, во-вторых, что студенты весьма ограниченно понимают национальную культуру только как культуру той нации, к которой принадлежат сами.

Парадоксально дополняют картину осознания *глобального* результаты опроса 2014 г. В ответах на вопрос **о влиянии на современную российскую культуру разных национальных традиций** респонденты отвели первые места, с одной стороны, византийской традиции (33,5%), что вполне естественно для России с учётом реальных историко-культурных традиций и привычки, зафиксированной в массовом сознании, с другой – североамериканской традиции (25%), что является не обоснованным в силу обратного в исторической перспективе соотношения двух культур, а в социокультурном плане даже стыдным.

Возможно, это связано с тем, что современная массовая культура, влияние которой на современное общество очень велико, во многом основана именно на североамериканских культурных кодах, приёмах деятельности, идеалах. Интересно и то, какие культуры превалируют на следующих местах (3 и 4): это Европа, причём в соответствии с хронологическим порядком приходивших в Россию влияний. Так, сначала идёт Германия (20,5%), которая через Петра I пришла раньше, чем Франция (12,5%). Наконец, интересна «убывающая» динамика сведений о семитской культуре, а также общие цифры по китайской, японской и центральноазиатской культурам, мода на атрибутику которых сейчас чрезвычайно велика. Налицо – неотрефлексированность реальных влияний, которые людьми могут не ощущаться и не осознаваться, например, если учесть тягу к освоению так называемых восточных единоборств, использованию принципов фэн-шуй в бытовых условиях; если бы респонденты отдавали себе в этом отчёт, количественные показатели были бы явно иными.

Наряду с *глобальными* и отчасти уже привычными для нашего исследования тенденциями были существенными позиции относительно *глокализации*, с представлениями о которой в жизнь современного молодого человека входит контекстуальное целеполагание: человек в мире и в локальной среде – это один и тот же, ещё только формирующийся человек.

Значимость верных представлений о персонах, составляющих славу региона и, в частности, города Ярославля (учитывая, что вопрос был задан менее чем за полгода до 1000-летнего юбилея города) чрезвычайно велика. Было установлено, что, с одной стороны, на уровне массового сознания закрепились известность первой в мире женщины-космонавта В. Терешковой (100% верных ответов) и одного из основоположников профессионального театра в России Ф. Волкова (96% верных ответов). Более того, в некоторых тестах только эти 2 персоны и отмечены. Достаточно известен студентам белорусский поэт М. Богданович (78% верных ответов), что можно считать следствием расположения двух кодовых артефактов, связанных с ним, в центре города Ярославля: это музей поэта на улице Чайковского, по которой ходят многие студенты ЯГПУ, и памятник поэту, установленный на Красной площади перед зданием ЯрГУ. Однако, с другой

стороны, разочарование и стыд за студентов-старшекурсников, проживших в Ярославле как минимум 4,5 года, вызывает незнание ими актрисы-графини П. Жемчуговой (28% верных ответов) и одной из лучших российских поэтесс первой половины XX века – М. Петровых (16%). При этом студенты естественно-научных специальностей, продемонстрировавшие высокие результаты, являются профанами в области театральной культуры: никто не знает П. Жемчугову и всего 1 человек знает Ф. Волкова. Иными словами, не только образовательная, но и широкая просветительская работа с молодёжью в отношении ценностей региональной культуры является насущно необходимой с учётом далеко не достаточной осведомлённости в культурной проблематике готовящихся к выпуску из университета специалистов.

В ходе анализа и систематизации результатов опроса были верифицированы *коммуникативные проблемы современной российской молодёжи*.

Сопоставительный анализ материалов, полученных в ходе исследований в реальном и виртуальном режиме (анкетирование, интервьюирование в обоих режимах) позволил выявить достаточную откровенность, решительность и – в некоторых случаях – пространственный характер ответов респондентов на вопросы анкеты. Кроме того, при определении выборки (в ходе интернет-коммуникации) у 100 респондентов было получено значительно большее количество ответов, причём это количество возрастало после размещения и рассылки анкет. Указанные особенности ответов, их личностный модус, с одной стороны, и низкий уровень осведомлённости в конкретной сфере общественно-политических и культурных реалий, явный дефицит социокультурных знаний и мотиваций, с другой – таковы особенности проявлений личностей респондентов, на основании которых можно сделать предположение о существенном психоэмоциональном и интеллектуальном «вакууме», характеризующем духовную жизнь современного молодого человека. Коммуникативные навыки, приобретённые на технологическом уровне, не только не способствуют удовлетворению коммуникативных потребностей, являющихся органичными в социокультурном плане для развитой личности, но и подчёркивают неудовлетворённость молодых людей сферой и, особенно, глубиной межличностного взаимодействия.

Эти выводы подтверждают и данные опроса февраля-марта 2014 г. о *предпочтениях* респондентов *в выборе информационных ресурсов*: 83% используют инновационные ресурсы (75,5% – сеть Интернет, в т. ч. library.ru., мк.рф., википедия, социальные сети, поисковики, базы данных по диссертационным исследованиям, wgs.com, crash.net, ulpressa.ru, echo.msk.ru, lenta.ru, сайты с художественной и научной литерату-

рой, mail.ru., 74.ru., the-village.ru, imenno.ru, дождь, электронная почта); 73,5% используют традиционные ресурсы (печатные СМИ – 37%, друзей – 30,5%, библиотеки – 29%, книжные магазины – 24%, знакомых – 13,5%, соседей – 1,5%, телевидение – 0,5%). Более половины респондентов отметили, что используют оба предложенных типа информационных ресурсов.

Отсюда следует вывод о возможности и необходимости превращения привычной для молодёжи коммуникативной среды – Интернета – в среду не просто быстрого получения сжато изложенных сведений по разным вопросам, но в среду истинного взаимодействия в образовательной и общекультурной сферах; наличие многочисленных чатов и форумов не восполняет упомянутый дефицит межличностной коммуникации, поскольку роль модераторов там сводится к осуществлению в основном технологических функций. Встреча с интеллектуальными (культурными) авторитетами или единомышленниками может и должна стать той возможностью, которую следует предоставить молодёжи в ходе дистанционного общения, консультаций, презентаций, даже виртуальных мастер-классов.

В серии интервью, проведённых в феврале-марте 2010 г., раскрывался **индивидуальный модус жизнеустроительных ценностей молодых специалистов** [Личность в современной..., 2010].

В результате было установлено, что индивидуальное сознание современных молодых людей, к числу которых относились в качестве интервьюеров молодые кандидаты наук, аспиранты и соискатели, студенты, имеет *определённые культуросообразные интенции*. В то же время названные интенции носят, во-первых, *неотрефлексированный*, во-вторых, *нестабильный* характер.

Следует особо проакцентировать факт конкретной научно-образовательной деятельности, отразивший образовательные задачи проекта в отношении его молодых участников. Последние – студенты, аспиранты, молодые учёные, недавно получившие учёную степень кандидата культурологии или кандидата искусствоведения, – проявили себя в разном качестве. С одной стороны, они явились активными разработчиками предлагаемых материалов: участвовали в составлении тестов и анкет, проводили опросы и брали интервью, которые затем анализировали и интерпретировали, демонстрируя право на индивидуальный выбор и индивидуальную рефлексию, выражая тем самым собственную культуросообразную позицию. С другой стороны, молодые исследователи выступили в качестве своеобразного, сформированного и формирующегося в рамках проекта, «продукта» – квалифицированных специалистов. Здесь уже индивидуальные особенности студентов, аспирантов и молодых учёных – являлись объектом наблюдений и корректив со стороны старших коллег, имевших в виду верификацию и презентацию личностных культуросообразных интенций младших коллег.

Принципиально важным являлось верифицировать как индивидуальную динамику квалификационного роста, так индивидуальную иерархию жизнеустроительных ценностей молодых участников проекта. Одного молодого исследователя отличала уверенность ведения интервью, точность наблюдений и оценок, лако-

низм и ёмкость формулировок. Другой молодой исследователь проявил волевую, в чём-то даже авторитарную позицию ведения интервью, скрупулёзность фиксации данных и определённую прямолинейность критического дискурса. Первый и второй интервьюеры – молодые кандидаты наук, искусствовед и культуролог. Аспиранты (они же действующие журналисты) в качестве интервьюеров продемонстрировали органику индивидуальной рефлексии, аналитической дистанцированности от объектов и импровизации в ведении интервью с учётом личностного модуса двух интервьюируемых; эмпатийность, способность к трансформации жанра, склонность к художественно-аналитическому дискурсу. Нивелирование собственной индивидуальности как осознанно выстраиваемый путь к наиболее объективному, как это представляется молодому специалисту, постижению изучаемого материала характеризовало позицию аспиранта и журналиста, проявившего скрупулёзность ведения, психоаналитический ракурс комментария, стремление к максимально полному обоснованию мотиваций ответов интервьюируемых, привлечение научного инструментария (создание глоссария), увлечённую демонстрацию собственной эрудиции.

Показательным как для характеристики личностных особенностей молодого исследователя, так и для верификации индивидуального образа молодого специалиста, живущего в провинции (Ярославль) является портрет интервьюируемого, данный О. В. Гороховой (во фрагментах сохранены авторские особенности оформления текста):

- «...копирайтер, работающий в интернете;
- сильная профессиональная мотивация: сознательно выбрал вуз и специальность. Считает свою специальность перспективной и сферу деятельности менять не собирается, несмотря на неудовлетворенность зарплатой;
- ценит семью: считает свадьбу самым важным событием в своей жизни;
- интровертность: большую часть времени проводит дома, и его это устраивает, одна из форм досуга – компьютерные игры;
- умеренность и практичность: не поглощён виртуальной жизнью, считая интернет лишь средством заработка, размышляет о социальных реалиях, предпочитает активный отдых (в противовес достаточно пассивной работе);
- не стремится к лидерству, готов быть управляемым, «элементом структуры». Тем не менее, представления об этой «структуре» у него свои: некий узкий аппарат управленцев, отличающийся большей мобильностью, по сравнению с современной бюрократической системой;

- ориентация на будущее: «мой стиль будет в будущем», а следовательно – неудовлетворённость настоящим;
- категоричность: если что-то не понимает (стремление норвежцев к одиночеству, традиция китайцев есть палочками, амбивалентность Бабы Яги как литературного персонажа, архетипа), то это вызывает неприятие. Экзотичность ассоциируется с негативной оценкой. Это можно было бы назвать интолерантностью, но в мягкой, неагрессивной форме;
- не любит демонстрировать незнание: если, например, не знает имён режиссёров, способных отразить современную российскую действительность, то предпочтёт сказать, что «нет таких», чем признается в незнании;
- вероятно, идеал личности для респондента – сильный и самодостаточный человек, бунтарь, «боец» (В. Высоцкий; лирический герой песни «Генералы песчаных карьеров»)» [Модель культуры..., 2013: 236–245].

В феврале-апреле 2014 г. был проведён социокультурный опрос среди 200 жителей российской провинции [Густякова и др., 2014: 253–258; Злотникова и др., 2014: 218–223; Летина и др., 2014: 259–263], более 60% респондентов которого составили молодые люди. Среди его показательных результатов – **верификация уровня финансовых претензий**, самооценка молодыми респондентами своей «персональной экономики», которая, как показывают сведения из различных статистических и экономических источников, существенно различается не только в столице и провинции, но и в разных регионах России: большинство респондентов сочли достаточным прожиточным уровнем (отметим, не минимумом!) для одного человека в своём регионе сумму в 20 000–30 000 рублей (42%) и 30 000–50 000 (28%). Важно отметить, что вариант с суммой свыше 50 000 также был выбран, причём не единичными респондентами – 12% опрошенных видят такую сумму для себя возможной (желательной). Запросы провинциалов, живущих не в самых «богатых» регионах России и работающих не в сфере материального производства или в бизнесе, характеризуют их как людей без комплексов.

Определяя спектр расходов, большинство опрошенных выбрали из предложенного списка несколько позиций, в том числе ведущие места заняли: еда (86,5%), жильё (81%), одежда (65,5%). Из выборки выделяется 10,5% респондентов, добавивших к списку свои варианты, среди которых чаще других встречаются как вполне «провинциальные» (лекарства, подарки), так и характерные для столичного образа жизни (расходы на автомобиль). Кроме того, выделяются варианты, явно свидетельствующие как о моральных, так и о социально-бытовых приоритетах, которые характеризуют вполне благополучную жизнь провинциалов, живущих не «на медные гроши» (содержание животных).

В качестве источников дохода большинство респондентов указали семейный бюджет (46,5%) и зарплату (54%). Обе позиции позволяют, во-первых, обозначить достаточно тесные межпоколенческие связи, например, между студентами и их родителями, между пенсионерами и их детьми; и, во-вторых, обоснованно

предположить отсутствие у большинства так называемых «бюджетников», которыми была представлена наша выборка, иных источников доходов. К числу последних относятся не «экзотические» (например, наследство), а такие как получение грантов, участие в предпринимательской деятельности либо получение процентов со вкладов, к использованию которых так активно призывают жителей России банки и другие коммерческие структуры.

Обозначенные границы доходов, названных жителями провинции в качестве желаемых, свидетельствуют о завышенных (в определённой степени) требованиях и ожиданиях респондентов, ибо названные суммы, особенно верхняя граница – 50 000 рублей, – значительно превышают среднюю зарплату по тем регионам, где проводились опросы. Так, молодые современные провинциалы – «мечтатели», которые желают больше того, чем обладают, при этом, судя по ответам на другие вопросы (о самореализации в профессии, о готовности изменить место жительства), не прилагая реальных усилий к улучшению своей жизни путём совершения конкретных, результативных действий.

Предъявленные в статье позиции демонстрируют *инновационные достижения в разработке культурологически детерминированного исследовательского инструментария, позволяющего без применения специальных информационных технологий изучить общие и конкретные проблемы бытия современной молодёжи репрезентативных локусов российских регионов в его социальных и индивидуальных проявлениях.*

Систематизация результатов серии опросов позволила обнаружить *ряд тенденций*, характеризующих коммуникацию и особенности самопрезентации современной российской региональной молодёжи. Среди них наиболее значимыми являются следующие:

- *в коммуникативном плане* – вариативность, неоднозначность подходов, ситуация диалога и отчасти оппозиции, амбивалентность реакций, проявившаяся, в частности, в стремлении конкретизирующей и уточняющей самопрезентации, но в рамках предложенного смыслового поля;
- *в социокультурном плане* – неоднородность и многослойность;
- *в социально-психологическом плане* – выразительное сочетание массового сознания, регионального – «провинциального сознания» – и индивидуального сознания с доминированием в ряде ситуаций проявлений массового;
- *в духовно-нравственном плане* – проявление инфантилизма, традиционализма, сочетание скромности и амбициозности, индифферентности и чрезмерной экспрессивности.

Резюмируя, считаем необходимым подчеркнуть: современная региональная российская молодёжь — амбициозная и инфантильная, недостаточно образованная, но трогательно откликающаяся на интеллектуальные и психоэмоциональные импульсы со стороны авторитарных для неё старших, будь то педагоги или коллеги — нуждается в постоянном внимании к её духовным проблемам, в понимании, в диалоге. Прагматизму её уже научили, в значительной степени сформировав массу («толпу», по Г. Лебону) с клишированными реакциями и побуждениями; теперь необходимо безотлагательно уделить внимание индивидуальности, отдельной личности, протягивающей к нам руки через «клеточки» ЕГЭ и ячейки далеко не безмолвных анкет.

Список литературы

Волков Ю. Г., Добренёв В. И., Кадария Ф. Д., Савченко И. П., Шаповалов В. А. Социология молодёжи: учебное пособие / под ред. Ю. Г. Волкова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. — 576 с.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России: социологический портрет. Второе издание, дополненное и исправленное. М.: Институт социологии РАН, 2010. — 592 с.

Густякова Д. Ю., Дидковская Н. А., Шахова Е. А. Личность в современной российской провинции: приоритеты и перспективы // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Том I. С. 253–258.

Густякова Д. Ю., Шахова Е. А. Модель культуры русской провинции: социокультурное исследование в имперсональном и личном дискурсах // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Том I. С. 225–229.

Дадаева Т. М., Фудин А. Ф. Представления о маскулинности современных юношей (на примере студентов-первокурсников) // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 100–107.

Злотникова Т. С. Провинциальная культура как объект прикладной культурологии // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / под ред. И. М. Быховской. М.: Смысл, 2010. С. 422–433.

Злотникова Т. С., Ерохина Т. И., Новиков М. В. Человек в современной российской провинции (концепция и направления социокультурного исследования) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. Том I. С. 218–223.

Злотникова Т. С., Летина Н. Н. Методология изучения социально-культурной парадигмы личности в России XX–XXI вв. // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. Том I. С. 178–182.

Летина Н. Н., Ерёмин А. В., Шапошников В. А. Приоритеты и перспективы человека в современной российской провинции по материалам социокультурного исследования // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Том I. С. 259–263.

Личность в современной русской культуре: культуросообразность образования и жизнеустройства: научный сборник / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, М. В. Новикова, Н. Н. Летиной. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 220 с.

Личность в современной русской культуре: стратегии социокультурного изучения: учебное пособие / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, М. В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. – 144 с.

Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной, Н. Н. Летиной, М. В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. – 292 с.

Силласте Г. Г. Влияние СМИ на жизненные планы сельской учащейся молодежи // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 95–102.

Смирнов В. А. Молодёжная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.

Социология молодёжи: учебник / под ред. д-ра социол. наук, проф., чл.-корр. РАН В. Н. Кузнецова. М.: Гардарики, 2005. – 335 с.

Тощенко Ж. Т. Социология молодёжи // Социология: Общий курс: учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт, 2004. С. 74–95.

Ядова М. А. Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодёжи // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 114–125.

Youth in Contemporary Russian Province: Socio-Cultural Reflection

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation. Grant №14-18-01833

Zlotnikova Tatyana Semenovna

Doctor of Art Criticism, Professor, Professor of Culturology Department, Director of Scientific and Educational Center «Kulturotsentrichnost scientific and educational activities», FSBEI HPE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». Republican str., 150000, Moscow, Russia. E-mail: zlotnts@rambler.ru

Letina Nataliya Nikolaevna

Doctor of Culturology, Associate Professor, Associate Professor of the Culturology Department, FSBEI HPE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». Republican str., 150000, Moscow, Russia. E-mail: liotina@yandex.ru

Gaponova Zhanna Konstantinovna

Candidate of Philological Sciences, a Senior Teacher of the Book Production Department, FSBEI HPE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». Republican str., 150000, Moscow, Russia. E-mail: jangap@yandex.ru

Abstract. The paper covers original approaches to methodological objectification of social and cultural research carried out in the Russian countryside, the main results of content analysis and quantitative analysis for the series of projects. The projects were aimed at researching into the intellectual and mental aspects of identity of an average young resident of modern Russian countryside, and mainly their priorities and perspectives. The paper presents theoretical and methodological objectifications for surveys that demonstrate innovative achievements in the development of culturologically determined research instruments that enable research of general and specific problems of average young occupant of a representative locus of Russian countryside without resorting to additional IT resources. The paper also covers representative innovative results of the surveys, which are an intellectual product describing personal and collective intentions of the youth in modern Russia, viewed in specific and universal modality. These results helped discover a number of tendencies that describe the young people who participated in the survey in terms of communication, social culture, social psychology and spirituality and morality.

Keywords: Russia, contemporary province, youth, priorities and prospects, consciousness, sociocultural survey.

REFERENCES

Volkov Yu. G., Dobren'kov V. I., Kadariya F. D., Savchenko I. P., Shapovalov V. A. Sotsiologiya molodezhi: uchebnoe posobie / pod red. Yu. G. Volkova. Rostov-na-Donu: Feniks, 2001. – 576 s.

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret. Vtoroe izdanie, dopolnennoe i ispravlennoe. M.: Institut sotsiologii RAN, 2010. – 592 .

Gustyakova D. Yu., Didkovskaya N. A., Shakhova E. A. Lichnost' v sovremennoy rossiyskoy provintsii: priority i perspektivy // Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik. 2014. № 4. Tom I. S. 253–258.

Gustyakova D. Yu., Shakhova E. A. Model' kul'tury russkoy provintsii: sotsiokul'turnoe issledovanie v impersonal'nom i lichnom diskursakh // Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik. 2013. № 3. Tom I. S. 225–229.

Dadaeva T. M., Fudin A. F. Predstavleniya o maskulinnosti sovremennykh yunoshey (na primere studentov-pervokursnikov) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 6. S. 100–107.

Zlotnikova T. S. Provintsial'naya kul'tura kak ob"ekt prikladnoy kul'turologii // Kul'turologiya: fundamental'nye osnovaniya prikladnykh issledovaniy / pod red. I. M. Bykhovskoy. M.: Smysl, 2010. S. 422–433.

Zlotnikova T. S., Erokhina T. I., Novikov M. V. Chelovek v sovremennoy rossiyskoy provintsii (kontseptsiya i napravleniya sotsiokul'turnogo issledovaniya) // Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik. 2014. № 3. Tom I. S. 218–223.

Zlotnikova T. S., Letina N. N. Metodologiya izucheniya sotsial'no-kul'turnoy paradigmy lichnosti v Rossii XX–XXI vv. // Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik. 2010. № 2. Tom I. S. 178–182.

Letina N. N., Eremin A. V., Shaposhnikov V. A. Priority i perspektivy cheloveka v sovremennoy rossiyskoy provintsii po materialam sotsiokul'turnogo issledovaniya // Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik. 2014. № 4. Tom I. S. 259–263.

Lichnost' v sovremennoy russkoy kul'ture: kul'turosoobraznost' obrazovaniya i zhizneustroeniya: nauchnyy sbornik / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoy, M. V. Novikova, N. N. Letinoy. Yaroslavl': Izd-vo YaGPU, 2010. — 220 s.

Lichnost' v sovremennoy russkoy kul'ture: strategii sotsiokul'turnogo izucheniya: uchebnoe posobie / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoy, M. V. Novikova. Yaroslavl': Izd-vo YaGPU, 2009. — 144 s.

Model' kul'tury russkoy provintsii v autentichnom, istoriko-tipologicheskom i globalizatsionnom diskursakh: kollektivnaya monografiya / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoy, T. I. Erokhinoy, N. N. Letinoy, M. V. Novikova. Yaroslavl': Izd-vo YaGPU, 2013. — 292 s.

Sillaste G. G. Vliyaniye SMI na zhiznennyye plany sel'skoy uchashcheysya molodezhi // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2004. № 12. S. 95–102.

Smirnov V. A. Molodezhnaya politika: opyt sistemnogo opisaniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 3. S. 72–80.

Sotsiologiya molodezhi: uchebnyy / pod red. d-ra sotsiol. nauk, prof., chl.-korr. RAN V. N. Kuznetsova. M.: Gardariki, 2005. — 335 s.

Toshchenko Zh. T. Sotsiologiya molodezhi // Sotsiologiya: Obshchiy kurs: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. 2-e izd., dop. i pererab. M.: Yurayt, 2004. C. 74–95.

Yadova M. A. Sovremennoye i traditsionnoye v tsennostyakh postsovetskoy molodezhi // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2012. № 1. S. 114–125.

